

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	25
ГЛАВА ТРЕТЬЯ.....	44
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.....	59
ГЛАВА ПЯТАЯ.....	78
ГЛАВА ШЕСТАЯ.....	96
ГЛАВА СЕДЬМАЯ.....	118
ГЛАВА ВОСЬМАЯ.....	137
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	153
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.....	174
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.....	192
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.....	210
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.....	228
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.....	247
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.....	265
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.....	283
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.....	307
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ	328
ОБ АВТОРЕ.....	350

ГЛАВА ПЕРВАЯ

На дороге лежала мертвая лисица.

Сначала Мэтти заметила лишь алую полосу на свежем снегу и решила, что какой-то хищник стащил кролика из капкана, который она пришла проверить. Потом она увидела рыжий мех в крови и рану в брюхе, нанесенную чем-то острым. Внутренности вывалились на снег, и, несмотря на холод, в воздухе висел резкий запах недавно совершенного убийства.

Животных, которые едят лис, не так уж много: медведь мог бы сделать такое, медведи всеядны. Пума, может быть, еще орел, но обычно животные не убивают других животных, чтобы бросить тех на дороге, не отведав ни кусочка. Так поступает только одно животное — человек. Но люди на горе не водились; кроме Мэтти и Уильяма, тут не было никого.

Мэтти присела на корточки, чтобы получше рассмотреть лису, но не увидела ни следов, ни отпечатков когтей, которые могли бы послужить под-

сказкой. Встав, она смахнула с плотной шерстяной юбки снег и на миг застыла в нерешительности.

Не пойти ли назад, не рассказать ли Уильяму о лисе? Нет, сначала надо проверить капканы. Ведь за этим он и послал ее вниз по ручью, и если она не сделает как велено, то поплатится.

Мэтти обошла лису и снова остановилась. В снегу рядом с тушкой виднелся странный след. Она не могла понять чей. Это мог быть след медведя, но таких крупных медведей Мэтти еще не видела: вдвое больше самого громадного гризли в округе. Кажется, это был отпечаток задней лапы: она различила закругленную пятку и пять подушечек под пальцами. Но следы от когтей... Похоже, когти этого зверя были намного длиннее обычного и глубоко уходили в снег. Судя по размеру отпечатка, это самый большой медведь на свете, подумала Мэтти.

Она осмотрела тропу, поискала другие следы. Дорожку, по которой Мэтти пришла, проложил не человек, а олени. По обе стороны высились горные сосны и росли голые кусты. Она увидела еще один след — тоже задней лапы, на некотором отдалении от первого. И это было странно: медведь словно шел на задних лапах, как человек. Медведи встают на задние лапы, но ненадолго, и обычно делают это, чтобы напугать другое животное или человека.

Мэтти покачала головой. Пожалуй, не ее это забота. Она будто бы услышала за спиной голос Уильяма: «Ступай своей дорогой, мышка Мэтти. Не твое это дело. Ты слишком любопытна».

КОСТЬ ОТ КОСТЕЙ

И правда, надо скорее проверить капканы, пока Уильям сам не пришел выяснять, почему она возится так долго.

Мэтти двинулась дальше, пиная ботинками мелкий рассыпчатый снег. Зима еще толком не настала, вообще-то лето только закончилось, но уже несколько дней подряд шел снег и стояли необычные для этого времени холода. Уильям боялся, что, если зима выдастся суровой, еды может не хватить. Звери залягут в спячку, и поди их отыщи.

Вот Мэтти и задумалась — зачем этот гризли бросил свежее мясо на дороге? В это время года медведи готовились к зиме. И те, что еще не улеглись в спячку, не упустили бы возможности набрать зимний жирок. Если бы гризли хотел оставить добычу на потом, он бы ее припрятал, хотя что там припрятывать — мяса на один укус.

Надо перестать об этом думать, решила она. Уильям ждет.

В кустах у ручья они расставили три капкана. Добыча попала во все; значит, на ужин будет кроличье рагу с морковкой и картошкой. Уильям порадуется.

Мэтти сложила кроликов в холщовый мешок, осторожно переустановила капканы и зашагала обратно к хижине. С неба посыпались снежинки, и Мэтти, высунув язык, поймала одну из них...

(Они с Хезер держатся за руки, запрокинув головы, и ловят снежинки наперегонки, а ресницы их припорошены снегом...)

Нет. Об этом думать нельзя. То был всего лишь сон. Сколько раз Уильям говорил, что она все это выдумала, что он слышать эту чушь не желает.

Хватит думать о сне, о странном отпечатке медвежьей лапы и мертвой лисице. Надо спешить домой с кроликами; там ее ждет муж. Она должна быть хорошей женой.

Увидев мертвую лисицу снова по пути назад, Мэтти осторожно обогнула ее и следы на снегу. Уильям наверняка захочет прийти и взглянуть на них, но она, Мэтти, больше думать об этом не станет. Не станет думать, как это странно, ведь муж вел ей не размышлять обо всякой ерунде и ему бы точно не понравилось, узнай он, что она тревожится из-за какой-то лисы.

Мэтти выбежала на поляну и увидела Уильяма; тот стоял у хижины и рубил дрова.

Поляна была большая; на ней умещался их двухкомнатный домик, сарай для припасов, уличный туалет и небольшой садик, цветущий летом. Уильям вырубил лишние деревья и освободил метров пять пространства между хижинкой и лесом. Мол, чтобы никто не подобрался к дому незамеченным.

Муж Мэтти был крепким рослым мужчиной, почти на две головы выше ее, с широкими плечами и крупными руками и ступнями. Волосы у него были темные, с проседью, а глаза — голубее льда на дне замерзшего ручья. Уильям стоял к ней спиной, но, будто почуяв ее, тут же обернулся, когда женщина вышла на поляну. В руке он держал тяжелый деревянный топор.

КОСТЬ ОТ КОСТЕЙ

Мэтти шла к нему, а он молчал и ждал ее с вопро- сительным и нетерпеливым выражением лица, по которому она сразу догадалась, что сделала что-то не так.

— Я наткнулась на мертвую лису, — сказала она в свое оправдание. — Но во все капканы попались кролики.

Мэтти решила, что предвкушение сытного ужи- на отвлечет мужа, но ошиблась.

— Зачем ты возилась с какой-то лисой? — спро- сил он. — Я же велел проверить капканы и сразу возвращаться.

Мэтти закусила губу. Это была ловушка. Если она не ответит, Уильям рассердится. Попытается объяснить — тоже рассердится.

— Так что?

Надо хотя бы попытаться объяснить, подумала она. Может, в этот раз муж поймет.

— Кто-то убил лису и бросил ее там, — прогово- рила Мэтти.

Он прищурился.

— Какой-то человек? В лесу?

— Нет, нет, — поспешно ответила она.

Мэтти знала, как старательно Уильям скрывает местонахождение их дома от всех и как расстраи- вается при малейшем подозрении, что рядом были люди.

— Там остался след, похожий на медвежий; вот только я таких больших медведей в жизни не встре- чала.

Уильям перестал сжимать челюсти. Он, кажется, обрадовался, что это был не человек.

Увидев, как муж слегка расслабился, Мэтти тоже расслабилась, и зря — оказалась не готова, когда он бросил топор на снег и занес кулак.

Искры посыпались из глаз; вкус крови окутал язык. Стало холодно.

«Ты сидишь на снегу, вставай, а то юбка промокнет», — подумала она.

— Забыла правило? Найдешь что-то необычное — сразу возвращайся домой.

Уильям, казалось, совсем не злился, но он всегда говорил спокойно. Никогда не кричал; ничто никогда не предвещало удара.

— Я решила сначала проверить капканы, — пролепетала Мэтти.

Она знала, что нужно вставать, но пока она сидела на земле, до нее было труднее дотянуться.

— Вот в чем твоя проблема, Марта...

Муж назвал ее полным именем, а это не предвещало ничего хорошего.

— Ты ничего решать не должна.

— Да, извини, — пробормотала Мэтти.

Он сверлил жену взглядом, словно прикидывая, достаточно ли наказал ее за проступок.

— Отнеси кроликов в дом и освежуй, — велел Уильям. — Когда закончишь, сходим к этой мертвой лисе.

— Да, — ответила она, вставая со снега.

Чулки намокли чуть выше ботинок. Ей бы переодеться, но если муж зайдет с дровами и увидит, что она занимается чем-то другим, а не кроликами, жди беды.

КОСТЬ ОТ КОСТЕЙ

С напряженными плечами Мэтти поспешила к двери хижины и сумела выдохнуть, лишь когда услышала свист и удар топора. Значит, Уильям не пошел за ней следом.

Она сняла ботинки, поставила их в прихожей и принялась свежевать и разделявать кроликов, чтобы после их приготовить. Кролики попались маленькие, работы было немного, но Мэтти знала: муж ждет, что она управится очень быстро.

Только не разозли его снова. Делай, что велено.

Но она снова отвлеклась, как с ней часто бывало; мысли начали блуждать, и Мэтти пришлось одернуть себя, чтобы Уильям не застал ее за витанием в облаках. Руки ловко разделявали кроликов, но мысли улетали туда, где им находиться было запрещено.

Вошел муж и окликнул ее с порога:

— Готово?

Мэтти знала, что он не хочет снимать заснеженные сапоги, чтобы потом опять их надевать. И не потому, что жене пришлось бы вытирать воду с пола, а потому, что ему было лень возиться со шнурками.

— Почти! — крикнула она в ответ.

— Не копайся там, — сказал Уильям и снова хлопнул дверь.

На самом деле Мэтти уже закончила, но хотела урвать лишнюю минутку, чтобы умыться и собраться с духом. Она снова думала о том сне — сне, в котором слышала песню (*что-то про голубя или голубку; есть такие большие черные штуки, и из них льется музыка, которая хранится на таком серебристом диске, но... это же глупость*

какая-то. Одно слово – сон, как Уильям всегда и говорил).

Ее муж считал, что музыку слушают только грешники, и, с тех пор как стала с ним жить, она ни разу не слушала музыку.

Мэтти опустила руки в таз, наполненный холодной водой, оттерла кровь, пытаясь стереть и воспоминания о сне. Уильям словно чувал, когда она думала о сне, как будто тот оставлял после себя запах. А сегодня муж и так злится. Если она выйдет на улицу с затуманенными сном глазами, он рассердится еще сильнее.

Через несколько минут, запахнув пальто и надев варежки и ботинки, Мэтти вышла на улицу. Уильям держал в руках винтовку.

— Веди, — сказал он.

Мэтти проводила его на оленью тропу. Уильям не любил, когда жена ступала впереди, и она старалась не опережать его. На снегу остались ее следы. С тех пор как Мэтти вернулась домой, прошел лишь легкий снег.

Труп лисицы обступили вороны и клевали свежее мясо. Уильям отогнал их; они громко закаркали и улетели.

Мэтти встала за спиной мужа, чуть в стороне, чтобы видеть его лицо. Она терпеть не могла неожиданных перемен в его настроении. Сейчас Уильям вполне мог решить, что она зря притащила его сюда, зря рассказала про лису, и, наложившись на его прежнее настроение, это могло спровоцировать приступ ярости, и ей тогда не поздоровится.

Порой Мэтти недоумевала, зачем Уильям на ней женился, зачем выбрал ее, ведь он все время к ней цеплялся. Он мог бы выбрать другую, ту, которая обладала бы всеми нужными качествами, была бы менее любопытной и более послушной.

Мэтти пристально наблюдала за мужем, пока тот осматривал землю вокруг лисы. Он увидел отпечаток лапы, и глаза его расширились.

— Видела еще следы?

Она указала в кусты справа от тропы:

— Там.

Уильям подошел взглянуть поближе, и лишь тогда Мэтти заметила, что кусты сломаны, словно сквозь них пролез крупный зверь. На одном из деревьев виднелись глубокие и длинные царапины — следы когтей, словно зверь провел лапой по коре, проходя мимо. Уильям потрогал отметины; лицо его было задумчивым.

— Если это гризли, таких огромных я еще не видел, — сказал он. — Интересно, откуда он взялся. Такому гиганту нужно много дичи.

Тут Мэтти вспомнила, как редко в последнее время им попадалась добыча. Они с Уильямом списали это на ранние заморозки. Но, возможно, дело было в другом. Может, этот медведь, этот лесной монстр сожрал всех лосей и оленей, которых муж надеялся убить и развесить в сарае на зиму.

— Надеюсь, он уже ушел из наших краев, — сказал Уильям. — Судя по следам, он направился вниз. Завидую счастливчику, который его пристрелит и попадет в газеты, а уж какая шкура ему достанется. Такой ни у кого нет.

Мэтти подумала, что, даже если кто-то и застрелит медведя, она никогда не узнает имени этого смельчака. Ей разрешалось читать только Библию. В редких случаях, когда Уильям ездил в город и привозил газету, он запирали ее в сундуке. Мэтти было запрещено находиться в спальне, когда он открывал сундук, а ключ муж держал на кольце, которое всегда носил с собой. На этом же кольце висели ключи от хижины и сарая и еще два незнакомых. Мэтти не знала, что они открывают. Однажды она спросила об этом Уильяма, получила два синяка под глазами и больше никогда ключами не интересовалась.

— Но в таком большом звере много мяса, — задумчиво продолжал муж. — На этом мясе можно всю зиму провести.

«Если сможешь его убить и остаться в живых», — подумала Мэтти.

Уильям покосился на нее, и уже не впервые она заподозрила, что он слышит ее мысли.

— Сомневаешься, что мне по силам его убить? — спросил он, и в его глазах-льдинках блеснуло что-то, что можно было бы назвать искрами смеха, если бы это был не Уильям, а кто-то другой. — Что ж, в этот раз ты, возможно, права, Мэтти. С таким оружием на большого зверя не ходят.

Он указал на винтовку, с которой охотился на оленей.

— Но может, зверь ушел, как ты говорил, — осторожно заметила Мэтти. — Спустился к подножью горы.

Муж взглянул на нее и снова повернулся к отпечаткам когтей.

КОСТЬ ОТ КОСТЕЙ

— Надеюсь, так оно и есть. Но если медведь еще здесь, не стоит тебе бродить по лесу одной. Не отходи от меня.

Он продрался сквозь сломанный кустарник, ожидая, что Мэтти пойдет следом. Та и пошла, аккуратно приподняв юбки, чтобы те не зацепились за сломанные ветки.

Уильям шагал вперед, не замедляясь, и Мэтти поспешила за ним.

— Вот, смотри. — Он указал на еще один след на снегу. — Не медведь, а какое-то чудище лесное. Оно что, ходит только на задних лапах?

Мэтти не ответила. Знала, что отвечать не надо.

Они долго шли по следу. И с каждым шагом Мэтти все сильнее волновалась. Ей нельзя было спуститься с горы, она ходила лишь вокруг хижины и туда, куда разрешал Уильям. И даже это он позволил ей не сразу; сначала ей вообще никуда нельзя было ходить без него, даже в туалет.

Лес везде выглядел одинаково, но Мэтти все же чувствовала, что очутилась в новом, запретном месте.

Через некоторое время она снова замечталась, как часто с ней бывало; ей послышалась мелодия песни из сна, но она не могла разобрать слова. Если бы она знала слова, то вспомнила бы весь сон целиком: одна его часть всегда оставалась в тумане и была недосягаемой.

Вдруг Уильям остановился; к счастью, Мэтти вовремя это заметила и очнулась от грез, прежде чем в него врезаться.

— И куда он делся? — спросил мужчина. — Здесь следы обрываются.